

**Полное собрание сочинений
А. И. Куприна**

Том 5

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
П51

П51 Полное собрание сочинений А. И. Куприна: Том 5 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 356 с.

ISBN 978-5-519-91823-7

ISBN 978-5-519-91823-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

II.

Кромѣ того сегодня былъ день ея именинъ — 17-е сентября. По милымъ, отдаленнымъ воспоминаніямъ дѣтства она всегда любила этотъ день и всегда ожидала отъ него чего-то счастливо-чудеснаго. Мужъ, уѣзжая утромъ по спѣшнымъ дѣламъ въ городъ, положилъ ей на ночной столикъ футляръ съ прекрасными серьгами изъ грушевидныхъ жемчужинъ, и этотъ подарокъ еще больше веселилъ ее.

Она была одна во всемъ домѣ. Ея холостой братъ Николай, товарищъ прокурора, жившій обыкновенно вмѣстѣ съ ними, также уѣхалъ въ городъ, въ судъ. Къ обѣду мужъ обѣщалъ привезти немногихъ и только самыхъ близкихъ знакомыхъ. Хорошо вышло, что именины совпали съ дачнымъ временемъ. Въ городѣ пришлось бы тратиться на большой парадный обѣдъ, пожалуй, даже на балъ, а здѣсь, на дачѣ, можно было обойтись самыми небольшими расходами. Князь Щейнъ, несмотря на свое видное положеніе въ обществѣ, а можетъ-быть, и благодаря ему, едва сводилъ концы съ концами. Огромное родовое имѣніе было почти совсѣмъ разстроено его предками, а жить приходилось выше средствъ: дѣлать приемы, благотворить, хорошо одѣваться, держать лошадей и т. д. Княгиня Вѣра, у которой прежняя страстная любовь къ мужу давно уже перешла въ чувство прочной, вѣрной, истинной дружбы, всѣми силами старалась помочь князю удержаться отъ полного разоренія. Она во многомъ, незамѣтно для него, отказывала себѣ и, насколько возможно, экономила въ домашнемъ хозяйствѣ.

Теперь она ходила по саду и осторожно срѣзала ножницами цвѣты къ обѣденному столу. Клумбы опустѣли и имѣли безпорядочный видъ. Доцвѣтали разноцвѣтныя

махровыя гвоздики, а также левкой — наполовину въ цвѣтахъ, а наполовину въ тонкихъ зеленыхъ стручьяхъ, пахнувшихъ капустой, розовые кусты еще давали — въ третій разъ за это лѣто — бутоны и розы, но уже измелъчавшіе, рѣдкіе, точно выродившіеся. Зато пышно цвѣли своей холодной, высокомѣрной красотой георгины, піоны и астры, распространяя въ чуткомъ воздухѣ осенній, травянистый, грустный запахъ. Остальные цвѣты послѣ своей роскошной любви и чрезмѣрнаго обильнаго лѣтнаго материнства тихо осыпали на землю безчисленныя сѣмена будущей жизни.

Близко на шоссе слышались знакомые звуки автомобильнаго трехтоннаго рожка. Это подъѣзжала сестра княгини Вѣры — Анна Николаевна Фріессе, съ утра обѣщавшая по телефону пріѣхать помочь сестрѣ принимать гостей и по хозяйству.

Тонкій слухъ не обманулъ Вѣру. Она пошла навстрѣчу. Черезъ нѣсколько минутъ у дачныхъ воротъ круто остановился изящный автомобиль-какета, и шофферъ, ловко прыгнувъ съ сидѣнья, распахнулъ дверцу.

Сестры радостно поцѣловались. Онѣ съ самаго ранняго дѣтства были привязаны другъ къ другу теплой и заботливой дружбой. По внѣшности онѣ до страннаго не были схожи между собою. Старшая, Вѣра, пошла въ мать, красавицу-англичанку, своей высокой гибкой фигурой, нѣжнымъ, но холоднымъ и гордымъ лицомъ, прекрасными, хотя довольно большими руками и той очаровательной покатостью плечъ, какую можно видѣть на старинныхъ мипіатюрахъ. Младшая — Анна — наоборотъ, унаслѣдовала монгольскую кровь отца, татарскаго князя, дѣдъ котораго крестился только въ началѣ XIX-го столѣтія и древній родъ котораго восходилъ до самого Тамерлана, или Лангъ-Темира, какъ съ гордостью называлъ ея отецъ, по-татарски, этого великаго кровопійцу. Она была на пол-

головы ниже сестры, нѣсколько широкая въ плечахъ, живая и легкомысленная, пасмѣшница. Лицо ея сильно монгольскаго типа съ довольно замѣтными скулами, съ узенькими глазами, которые она къ тому же, по близорукости, щурила, съ надменнымъ выраженіемъ въ маленькомъ, чувственномъ ртѣ, особенно въ слегка выдвинутой впередъ полной нижней губѣ, — лицо это однако плѣняло какой-то неуловимой и непонятной прелестью, которая заключалась, можетъ-быть, въ улыbkѣ, можетъ-быть, въ глубокой женственности всѣхъ чертъ, можетъ-быть, въ пикантной, задорно-кокетливой мимикѣ. Ея граціозная некрасивость возбуждала и привлекала вниманіе мужчинъ гораздо чаще и сильнѣе, чѣмъ аристократическая красота ея сестры.

Она была замужемъ за очень богатымъ и очень глупымъ человѣкомъ, который ровно ничего не дѣлалъ, но числился при какомъ-то благотворительномъ учрежденіи и имѣлъ званіе камеръ-юнкера. Мужа она терпѣть не могла, но родила отъ него двухъ дѣтей — мальчика и дѣвочку; больше она рѣшила не имѣть дѣтей и не имѣла. Что касается Вѣры — та жадно хотѣла дѣтей и даже, ей казалось, чѣмъ больше — тѣмъ лучше, но почему-то они у нея не рождались, и она болѣзненно и пылко обожала хорошенькихъ малокровныхъ дѣтей младшей сестры, всегда приличныхъ и послушныхъ, съ блѣдными мучнистыми лицами и съ завитыми льняными кукольными волосами.

Анна вся состояла изъ веселой безалаберности и милыхъ, иногда странныхъ противорѣчій. Она охотно предавалась самому рискованному флирту во всѣхъ столицахъ и на всѣхъ курортахъ Европы, но никогда не измѣняла мужу, котораго однако презрительно высмѣивала и въ глаза и за глаза; была расточительна, страшно любила азартныя игры, танцы, сильныя впечатлѣнія, острия

зрѣлица, посѣщала за границей сомнительныя кафе, но въ то же время отличалась щедрой добротой и глубокой, искренней набожностью, которая заставила ее даже принять тайно католичество. У нея были рѣдкой красоты спина, грудь и плечи. Отправляясь на большіе балы, она обнажалась гораздо больше предѣловъ, дозволяемыхъ приличіемъ и модой, но говорили, что подъ низкимъ декольте у нея всегда была надѣта власяница.

Вѣра же была строго-проста, со всѣми холодно и немного свысока любезна, независима и царственно-спокойна.

III.

— Боже мой, какъ у васъ здѣсь хорошо! Какъ хорошо! — говорила Анна, идя быстрыми и мелкими шагами рядомъ съ сестрой по дорожкѣ. — Если можно, посидимъ немного на скамеечкѣ надъ обрывомъ. Я такъ давно не видѣла моря. И какой чудный воздухъ — дышишь — и сердце веселится. Въ Крыму, въ Мисхорѣ прошлымъ лѣтомъ я сдѣлала изумительное открытіе. Знаешь, чѣмъ пахнетъ морская вода во время прибоя? Представь себѣ — резедой.

Вѣра ласково усмѣхнулась:

— Ты фантазерка.

— Нѣтъ, нѣтъ. Я помню также разъ, надо мной всѣ смѣялись, когда я сказала, что въ лунномъ свѣтѣ есть какой-то розовый оттѣнокъ. А на-дняхъ художникъ Борицкій — вотъ тотъ, что пишетъ мой портретъ — согласился, что я была права, и что художники объ этомъ давно знаютъ.

— Художникъ — твое новое увлеченіе?

— Ты всегда придумашь! — засмѣялась Анна и, быстро подойдя къ самому краю обрыва, отвѣсной стѣной падавшего глубоко въ море, заглянула внизъ и вдругъ вскрик-

пула въ ужасѣ и отшатнулась назадъ съ поблѣднѣвшимъ лицомъ.

— У, какъ высоко!—произнесла она ослабѣвшимъ и вздрагивающимъ голосомъ.—Когда я гляжу съ такой высоты, у меня всегда какъ-то сладко и противно щекочетъ въ груди... и пальцы на ногахъ щемить... И все-таки тянетъ, тянетъ...

Она хотѣла еще разъ нагнуться надъ обрывомъ, но сестра остановила ее.

— Анна, дорогая моя, ради Бога! У меня у самой голова кружится, когда ты такъ дѣлаешь. Прошу тебя, сядь.

— Ну хорошо, хорошо, сѣла... Но ты только посмотри, какая красота, какая радость — просто глазъ не насытится. Если бы ты знала, какъ я благодарна Богу за всѣ чудеса, которыя Онъ для насъ сдѣлалъ!

Объ на минутку задумались. Глубоко-глубоко подъ ними покоилось море. Со скамейки не было видно берега, и оттого ощущеніе безконечности и величія морского простора еще больше усиливалось. Вода была ласково-спокойна и весело-синя, свѣтлѣя лишь косыми гладкими полосами въ мѣстахъ теченія и переходя въ густо-синій глубокой цвѣтъ на горизонтѣ.

Рыбачьи лодки, съ трудомъ отмѣчаемыя глазомъ,—такими онѣ казались маленькими,—неподвижно дремали въ морской глади, недалеко отъ берега. А дальше точно стояло въ воздухѣ, не подвигаясь впередъ, трехмачтовое судно, все съ верху до низу одѣтое однообразными, выпуклыми отъ вѣтра, бѣлыми, стройными парусами.

— Я тебя понимаю, — задумчиво сказала старшая сестра:—но у меня какъ-то не такъ, какъ у тебя. Когда я въ первый разъ вижу море, послѣ большого времени, оно меня и волнуетъ, и радуетъ, и поражаетъ. Какъ будто я въ первый разъ вижу огромное, торжественное чудо. Но потомъ, когда привыкну къ нему, оно начинается

меня давить своей плоской пустотой... Я скучаю, глядя на него, и ужъ стараюсь больше не смотрѣть. Надоѣдаетъ.

Анна улынулась.

— Чему ты?—спросила сестра.

— Прошлымъ лѣтомъ, — сказала Анна лукаво: — мы изъ Ялты поѣхали большой кавалькадой верхомъ на Учъ-Кошъ. Это тамъ, за лѣсничествомъ, выше водопада. Попали сначала въ облако, было очень сыро и плохо видно, а мы все поднимались вверхъ, по крутой тропинкѣ, между соснами. И вдругъ какъ-то сразу окончился лѣсъ, и мы вышли изъ тумана. Вообрази себѣ: узенькая площадка на скалѣ, и подъ ногами у насъ пропасть. Деревни внизу кажутся не больше спичечной коробки, лѣса и сады—какъ мелкая травка. Вся мѣстность спускается къ морю, точно географическая карта. А тамъ дальше— море! Верстъ на пятьдесятъ, на сто впередъ. Мнѣ казалось — я повисла въ воздухѣ и вотъ-вотъ полечу. Такая красота, такая легкость! Я оборачиваюсь назадъ и говорю проводнику въ восторгѣ: «Что? Хорошо, Сеидъ-оглы?» А онъ только языкомъ почмокалъ: «Эхъ, барина, какъ мнѣ все это надоѣлъ. Каж-дый день видимъ».

— Благодарю за сравненіе, — засмѣялась Вѣра: — нѣтъ, я только думаю, что намъ, сѣверянамъ, никогда не понять прелести моря. Я люблю лѣсъ. Помнишь лѣсъ у насъ въ Егоровскомъ?.. Развѣ можетъ онъ когда-нибудь прискучить? Сосны!.. А какіе мхи!.. А мухоморы! Точно изъ краснаго атласа и вышиты бѣлымъ бисеромъ. Тишина такая... прохлада.

— Мнѣ все равно, я все люблю, — отвѣтила Анна. — А больше всего я люблю мою сестренку, мою благоразумную Вѣренку. Насъ вѣдь только двое на свѣтѣ.

Она обняла старшую сестру и прижалась къ ней, щека къ щекѣ. И вдругъ спохватилась.

— Нѣтъ, какая же я глупая! Мы съ тобою, точно въ романѣ, сидимъ и разговариваемъ о природѣ, а я совсѣмъ забыла про мой подарокъ. Вотъ посмотри. Я боюсь только, понравится ли?

Она достала изъ своего ручного мѣшечка маленькую записную книжку въ удивительномъ переплетѣ: на старомъ, стершемся и поцѣрѣвшемъ отъ времени синемъ бархатѣ вился тускло-золотой филигранный узоръ рѣдкой сложности, тонкости и красоты,—очевидно, любовное дѣло рукъ искуснаго и терпѣливаго художника. Книжка была прикрѣплена къ тоненькой, какъ нитка, золотой цѣпочкѣ, листки въ серединѣ были замѣнены таблетками изъ слоновой кости.

— Какая прекрасная вещь! Прелесть! — сказала Вѣра и поцѣловала сестру. — Благодарю тебя. Гдѣ ты достала такое сокровище?

— Въ одной антикварной лавочкѣ. Ты вѣдь знаешь мою слабость рыться въ старинномъ хламѣ. Вотъ я и набрела на этотъ молитвенникъ. Посмотри, видишь, какъ здѣсь орнаментъ дѣлаетъ фигуру креста. Правда, я нашла только одинъ переплетъ, остальное все пришлось придумывать — листочки, застѣжки, карандашъ. Но Моллине совсѣмъ не хотѣлъ меня понять, какъ я ему ни толковала. Застѣжки должны были быть въ такомъ же стилѣ, какъ и весь узоръ, матовыя, стараго золота, тонкой рѣзьбы, а онъ Богъ знаетъ что сдѣлалъ. Зато цѣпочка настоящая венеціанская, очень древняя.

Вѣра ласково погладила прекрасный переплетъ.

— Какая глубокая старина!.. Сколько можетъ быть этой книжкѣ?—спросила она.

— Я боюсь опредѣлить точно. Приблизительно конецъ семнадцатаго вѣка, середина восемнадцатаго...

— Какъ странно, — сказала Вѣра съ задумчивой улыбкой. — Вотъ я держу въ своихъ рукахъ вещь, которой,

можетъ-быть, касались руки маркизы Помпадуръ или самой королевы Антуанетты... Но знаешь, Анна, это только тебѣ могла прійти въ голову шальная мысль передѣлать молитвенникъ въ дамскій carnet. Однако все-таки пойдемъ посмотримъ, что тамъ у насъ дѣлается.

Онѣ прошли въ домъ черезъ большую каменную террасу, со всѣхъ сторонъ закрытую густыми шпалерами винограда «Изабелла». Черныя обильныя гроздья, издававшія слабый запахъ клубники, тяжело свисали между темной, кое-гдѣ озолоченной солнцемъ зеленью. По всей террасѣ разливался зеленый полусвѣтъ, отъ котораго лица женщинъ сразу поблѣднѣли.

— Ты велишь здѣсь накрывать? — спросила Анна.

— Да, я сама такъ думала сначала... Но теперь вечера такіе холодные. Ужъ лучше въ столовой. А мужчины пусть сюда уходятъ курить.

— Будетъ кто-нибудь интересный?

— Я еще не знаю. Знаю только, что будетъ нашъ дѣдушка.

— Ахъ, дѣдушка милый. Вотъ радость! — воскликнула Анна и всплеснула руками. — Я его, кажется, сто лѣтъ не видала.

— Будетъ сестра Васи и, кажется, профессоръ Спѣшниковъ. Я вчера, Анненька, просто голову потеряла. Ты знаешь, что они оба любятъ покушать — и дѣдушка и профессоръ. Но ни здѣсь ни въ городѣ — ничего не достанешь, ни за какія деньги. Лука отыскалъ гдѣ-то перепеловъ — заказалъ знакомому охотнику — и что-то мудритъ надъ ними. Ростбифъ достали сравнительно недурной — увы! — неизбежный ростбифъ. Очень хорошіе раки.

— Ну что жъ, не такъ ужъ дурно. Ты не тревожься. Впрочемъ, между нами, у тебя у самой есть слабость вкусно поѣсть.

— Но будетъ и кое-что рѣдкое. Сегодня утромъ рыбакъ принесъ морского пѣтуха. Я сама видѣла. Прямо какое-то чудовище. Даже страшно.

Анна, до жадности любопытная ко всему, что ея касалось и что не касалось, сейчасъ же потребовала, чтобы ей принесли показать морского пѣтуха.

Пришелъ высокій, бритый, желтолицый поваръ Лука съ большой продолговатой бѣлой лоханью, которую онъ съ трудомъ, осторожно держалъ за ушки, боясь расплескать воду на паркетъ.

— Двѣнадцать съ половиною фунтовъ, ваше сіятельство, — сказалъ онъ съ особенной поварской гордостью. — Мы давеча взвѣшивали.

Рыба была слишкомъ велика для лоханки и лежала на днѣ, завернувъ хвостъ. Ея чешуя отливала золотомъ, плавники были ярко-краснаго цвѣта, а отъ громадной хищной морды шли въ стороны два нѣжно-голубыхъ складчатыхъ, какъ вѣеръ, длинныхъ крыла. Морской пѣтухъ былъ еще живъ и усиленно работалъ жабрами.

Младшая сестра осторожно дотронулась мизинцемъ до головы рыбы. Но пѣтухъ неожиданно всплеснулъ хвостомъ, и Анна съ визгомъ отдернула руку.

— Не извольте беспокоиться, ваше сіятельство, все въ лучшемъ видѣ устроимъ, — сказалъ поваръ, очевидно, понимавшій тревогу Анны. — Сейчасъ болгаринъ принесъ двѣ дыни. Ананасныя. На манеръ, въ родѣ какъ канталупы, но только запахъ куда ароматнѣе. И еще осмѣлюсь спросить ваше сіятельство, какой соусъ прикажете подавать къ пѣтуху: тартаръ или польскій, а то можно просто сухари въ маслѣ?

— Дѣлай, какъ знаешь. Ступай! — приказала княгиня.

IV.

Послѣ пяти часовъ стали съѣзжаться гости. Князь Василій Львовичъ привезъ съ собою вдовую сестру Людмилу Львовну, по мужу Дурасову, полную, добродушную и необыкновенно молчаливую женщину; свѣтскаго, молодого, богатаго шалопая и кутилу Васючкѣ, котораго весь городъ зналъ подъ этимъ фамиллярнымъ именемъ, очень пріятнаго въ обществѣ умѣньемъ пѣть и декламировать, а также устраивать живыя картины, спектакли и благотворительные базары; знаменитую піанистку Женни Рейтеръ, подругу княгини Вѣры по Смольному институту, а также своего шурина Николая Николаевича. За ними пріѣхалъ на автомобилъ мужъ Анны, съ бритымъ, толстымъ, безобразно-огромнымъ профессоромъ Спѣшниковымъ и съ мѣстнымъ вице-губернаторомъ фонъ-Зеккомъ. Позднѣе другихъ пріѣхалъ генералъ Аносовъ, въ хорошемъ наемномъ ландо, въ сопровожденіи двухъ офицеровъ: штабнаго полковника Понамарева, преждевременно состарившагося, худого, желчнаго чловѣка, изможденнаго непосильной канцелярской работой, и гвардейскаго гусарскаго поручика Бахтинскаго, который славился въ Петербургѣ какъ лучшій танцоръ и несравненный распорядитель баловъ.

Генералъ Аносовъ, тучный, высокій, серебряный старецъ, тяжело слѣзалъ съ подножки, держась одной рукой за поручни козелъ, а другой — за задокъ экипажа. Въ лѣвой рукѣ онъ держалъ слуховой рожокъ, а въ правой — палку съ резиновымъ наконечникомъ. У него было большое, грубое, красное лицо съ мясистымъ носомъ и съ тѣмъ добродушно-величавымъ, чуть-чуть презрительнымъ выраженіемъ въ прищуренныхъ глазахъ, расположенныхъ лучистыми, припухлыми полукругами, каков